

Ю. А. Петров

**ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ
В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ**

doi: 10.30759/1728-9718-2020-1(66)-18-26

УДК 94(470)“19/20”

ББК 63.3(2)531

В стадию бурного индустриального развития Россия вступила в середине 1880-х гг. Оно происходило в рамках догоняющей модели и осуществлялось исключительно высокими темпами. Это позволило России существенно упрочить свои позиции в мировом промышленном производстве и сократить отставание по уровню экономического развития от передовых индустриальных стран. Однако в современной историографии нет однозначного ответа на вопрос, за счет чего удалось совершить такой рывок. Широко распространена точка зрения, что он стал возможен благодаря иностранным инвестициям и технологиям, использованию зарубежного опыта организации производства. Но такая трактовка справедлива лишь отчасти. Действительно, импорт высококачественного зарубежного капитала сыграл важную роль в индустриализации России. Особенно велико было его значение в деле создания новых отраслей промышленности. И все же, не меньший вклад в позднеимперскую индустриализацию внесли отечественные предприниматели и целенаправленная политика государства. Вместе с тем роль государства не стоит переоценивать. В дореволюционный период оно являлось не столько инвестором, сколько получателем выгод от экономического роста, главной движущей силой которого являлась частнопредпринимательская система хозяйствования. Однако она оказалась слишком хрупкой, чтобы пережить потрясения Первой мировой войны.

Ключевые слова: *позднеимперская Россия, факторы экономического роста, темпы промышленного развития, государственное регулирование, частнопредпринимательская система хозяйствования*

Россия, как известно, принадлежала к числу государств догоняющего типа экономического развития, вступив на путь современного индустриального роста позже ведущих стран Западной Европы и США. Насколько органичен или, напротив, зависим от внешних факторов был этот рост и в какой мере империи удалось «догнать и перегнать» ушедших вперед западных конкурентов? В общественном мнении нашей страны со времен Сталина получил распространение тезис о глубокой отсталости и полуколониальной зависимости России, о неспособности царского правительства спасти страну от иноземной кабалы, от которой как будто избавила народ Октябрьская революция. Этому тезису, встречающемуся и в нашем современном обществе в виде теории о зависимом характере экономического развития позднеимперской России, в последнее время активно противостоит не менее идеологизированное представление о предреволюционной России как стране всеобщего благоденствия.

Согласно теории зависимого капитализма, в полуколониальных и колониальных странах экономический рост целиком определялся

внешними факторами. Характерными чертами такой экономической модели являлись: искусственное перенесение новейших хозяйственных структур в малоразвитые страны и нарушение вследствие этого естественного цикла экономического развития; образование в этих странах замкнутых внешнеэкономических анклавов, органически не связанных с окружающей их общественно-хозяйственной средой и ориентированных в своем развитии на удовлетворение нужд метрополии. В результате такой ориентации происходило складывание своеобразной «филиальной» народнохозяйственной структуры, привязанной к экономике метрополии в качестве ее аграрно-сырьевого придатка.¹

Как же обстояло дело в предреволюционной России? История зарождения и роста отечественной промышленности была неразрывно связана с органическим процессом разложения натурального хозяйства и развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве. Еще в дореформенную эпоху наметились два пути индустриального прогресса.

Первый был связан с государственной, казенной модернизацией, проводимой на основе применения западных форм крупного

Петров Юрий Александрович — д.и.н., профессор, директор, Институт российской истории РАН (г. Москва)
E-mail: dir_iri_ran@mail.ru

¹ См.: Бовыкин В. И. Предисловие // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. М., 1996. С. 5.

промышленного (мануфактурного) производства, использующего принудительный труд крепостных крестьян. По этому пути развивались горно-металлургическая индустрия Урала, а также отрасли, где проявило себя дворянское предпринимательство (винокурение, суконное, полотняное, свеклосахарное и др. производства). Путь этот в конечном итоге оказался тупиковым и с отменой крепостного права дворянская промышленность либо захирела, либо перешла на рельсы нового экономического строя, в основе которого лежали частное предпринимательство и наемный труд.

Именно эта вторая модель индустриального роста, зародившаяся еще в дореформенную эпоху, стала магистральной линией экономического роста. Крестьянская текстильная промышленность, возникновение которой в конце XVIII — начале XIX в. стало результатом разрушения натуральной системы хозяйства, послужила основой складывания индустриального развития страны. Работавшая на широкий потребительский рынок, сравнительно независимая (по сравнению с тяжелой индустрией) от казенных заказов и иностранных инвестиций, выросшая от крестьянских светелок до оборудованных по последнему слову западной техники текстильных комбинатов, текстильная индустрия, сосредоточенная прежде всего в Центральном районе Европейской России, послужила залогом органического и автономного промышленного роста страны.

И хотя удельный вес текстильного производства с появлением в пореформенный период других промышленных отраслей (прежде всего тяжелой индустрии) постепенно снижался, вплоть до 1913 г. оно оставалось самой крупной отраслью российской промышленности. На его долю к тому времени приходилось около 30 % валовой стоимости промышленной продукции. А общая доля всех отраслей, рост которых был результатом рыночной эволюции сельского хозяйства (текстильной, пищевой, обработки животных продуктов), накануне Первой мировой войны составляла около 55 %.

Общие показатели индустриального развития

Россия, вступившая в фазу индустриального экономического роста с середины 1880-х гг., развивалась по принципиально общей с западноевропейскими странами модели. Объем промышленного производства за 1887–1913 гг. вырос в 4,6 раза. Особенно динамично разви-

валась тяжелая промышленность: металлообработка и металлургия, угле- и нефтедобыча. На изменения отраслевой структуры решающим образом повлияло широкое железнодорожное строительство 1860–1880-х гг., потребовавшее создания ряда новых отраслей. Гигантский скачок в своем индустриальном развитии Россия совершила в 1890-х гг., в период бурного экономического подъема, когда всего за десятилетие промышленное производство в стране удвоилось.

«Темпы роста царской экономики, — по наблюдению американского экономиста П. Грегори, — были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX — начала XX в. Россия принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, как США, Япония и Швеция».² По важнейшим экономическим показателям Россия значительно приблизилась к ведущим странам Запада. По абсолютным размерам добычи железной руды, выплавке чугуна и стали, объему продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка и производству сахара она вышла на четвертое-пятое место в мире, а в нефтедобыче на рубеже XIX–XX вв. стала на время мировым лидером благодаря созданию Бакинского нефтепромышленного района. Протяженность российской железнодорожной сети являлась второй в мире, уступая только США.

В 1909 г. после длительного застоя в России начался новый промышленный подъем, в 1909–1913 гг. объем индустриального производства в стране вырос еще в 1,5 раза. Промышленные подъемы конца XIX в. и 1909–1913 гг. существенно продвинули страну по пути индустриального развития. Согласно расчетам, выполненным сотрудниками аппарата Лиги Наций в рамках сравнительного изучения процессов индустриализации и развития международной торговли, доля России в мировом промышленном производстве, составлявшая в 1881–1885 гг. 3,4 %, возросла к 1896–1900 гг. до 5,0 %, а к 1913 г. — до 5,3 % (см. табл.).

Между тем доли передовых индустриальных государств, за исключением США, с конца XIX в. стали снижаться. Россия устойчиво опережала их по темпам роста промышленного производства, вследствие чего ее отставание от Великобритании сократилось в 1885–1913 гг. втрое, а от Германии — на четверть. Тем не

² Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge, 1982. P. 192.

Таблица

Доли России, США, Великобритании, Германии и Франции
в мировом промышленном производстве, %

Страны	1881–1885 гг.	1896–1900 гг.	1913 г.
Россия	3,4	5,0	5,3
США	28,6	30,1	35,8
Великобритания	26,6	19,5	14,0
Германия	13,9	16,6	15,7
Франция	8,6	7,1	6,4

Источник: Россия. 1913 год. Статис.-док. справ. СПб., 1995. С. 51. Табл. 8.

менее разница оставалась еще очень значительной: накануне Первой мировой войны Россия производила промышленной продукции в 2,6 раза меньше, чем Великобритания, и в 3 раза меньше, чем Германия. Что касается Франции, то по абсолютным показателям валового промышленного производства Россия уже к началу 1900-х гг. вплотную приблизилась к ней, превзойдя ее по выпуску ряда ключевых видов промышленной продукции: минерального топлива, стали, машин, хлопчатобумажных тканей и др.³

Гораздо менее заметны были сдвиги при расчете продукции индустрии на душу населения, что в немалой степени объяснялось чрезвычайно высоким темпом прироста населения страны. Рост населения, прежде всего сельского, сводил почти на нет успехи российской индустриализации. Доля России в мировом промышленном производстве (5,3 % в 1913 г.) далеко не соответствовала доле ее населения среди жителей земного шара (10,2 %). Из отдельных видов промышленной продукции исключение составляли только нефть (17,8 % мировой добычи) и сахар (10,2 %). По производству промышленной продукции на душу населения Россия продолжала находиться на уровне Италии и Испании, уступая во много раз передовым индустриальным державам.

И в начале XX в. Россия продолжала оставаться страной со значительным преобладанием сельскохозяйственного производства над промышленным. Однако следует признать, что в начале XX в. империя вступила в фазу перехода к индустриальному обществу.

*Государство — ключевой игрок
на экономическом поле?*

За счет каких же факторов позднеимперская Россия достигла столь впечатляющих результатов индустриального роста? За каждым

экономическим чудом всегда стоит конкретный актер, который и обеспечивает поступательный эффект. Применительно к дореволюционной России можно говорить о трех таких акторах. Помимо отечественного предпринимательского капитала к ним относятся иностранный капитал и государство.

Государство в России традиционно играло активную роль в экономической сфере, стремясь прежде всего к повышению военно-экономического потенциала и расширению бюджетных ресурсов. Оно выступало как прямым участником экономического роста через систему госсобственности, так и косвенно оказывало воздействие на развитие народного хозяйства общей экономической политикой и бюджетной в частности. Насколько же эффективным оказывалось государственное вмешательство в процесс экономического развития на его рыночной стадии, т. е. в пореформенный период?

Российское государство на рубеже XIX–XX вв. являлось крупнейшим собственником экономических ресурсов страны. По имеющимся обобщенным данным, казне к началу Первой мировой войны принадлежало 35 % сельскохозяйственных земель, 60 % лесов, около 7 % национального богатства в целом (стоимости железных дорог, госпредприятий, зданий, сооружений и др.). Государственными являлись около 700 промышленных предприятий (прежде всего военные, горные, вино-водочные заводы), учреждения связи и средства сообщения (казенные железные дороги охватывали около 70 % всей железнодорожной сети), ведущими учреждениями финансовой системы являлись казенные банки (Государственный с сетью сберегательных касс, Дворянский и Крестьянский) и др. На казенных предприятиях было занято 8 % рабочих и служащих, на них приходилось 7–8 % распределенного национального дохода.

³ См.: Бовыкин В. И. Указ. соч. С. 7.

К казенной сфере, финансируемой из бюджета, относились также система государственного управления (около 300 тыс. только гражданских чиновников), обороны (1,4 млн чел.), охраны общественного порядка, образования, здравоохранения, культуры и др. Всего работников бюджетной сферы и казенных предприятий насчитывалось около 3 млн чел. Эта цифра отражает численность трудоспособного населения, непосредственно связанного с использованием госсобственности, участвовавшего в государственном хозяйствовании. В производстве товаров и услуг доля казенного сектора экономики составляла около 10 %.

По уровню развития госсобственности Россия не являлась исключением и примыкала к европейским странам, озабоченным ускорением экономического роста за счет казенной мобилизации ресурсов. Так, в Пруссии в начале XX в. госпредприятия составляли комплекс базовых отраслей промышленности (электростанции, угольные шахты, металлургические заводы), обеспечивавших бесперебойную работу казенных железных дорог (их доля превышала 90 % общей протяженности).

На долю государства в начале XX в. приходилось около 20 % всех инвестиций в российскую экономику, госзаказ в отдельных отраслях достигал 30–40 %. Благодаря государственной поддержке была создана и функционировала примерно $\frac{1}{10}$ часть промышленного потенциала страны.

Таким образом, государство являлось активным игроком на экономическом поле, хотя, как показали специальные исследования, эффективность госхозяйства была весьма невелика, даже в приоритетных отраслях, непосредственно обеспечивавших оборону страны.⁴ Рассмотрим теперь, насколько государство стимулировало экономический рост с помощью системы косвенного воздействия, т. е. через экономическую политику.

Экономическая политика правительства

В пореформенный период экономическая политика правительства носила крайне противоречивый характер. С одной стороны, правительство способствовало железнодорожному строительству, созданию тяжелой индустрии, росту банков, протекционистской защите отечественной промышленности и тем самым —

развитию индустриального производства, а с другой — неуклонно и последовательно отстаивало систему государственного контроля и управления экономикой, интересы дворянства, ограничивало свободу предпринимательства, консервировало архаичные порядки в деревне.⁵ Политика эта обрела свое воплощение в деятельности С. Ю. Витте, крупнейшего государственного деятеля дореволюционной России, министра финансов в 1892–1903 гг.

Квинтэссенцией его экономических воззрений и министерской практики являлась идея ускоренной индустриализации и создания собственной национальной промышленности, развивающейся «на почве освобождающегося от крепостных уз народного труда» и защищенной от иностранной конкуренции таможенно-протекционистскими мерами. Для этого, по убеждению министра финансов, нужны были «капиталы, знания и предприимчивость», но прежде всего капиталы, как отечественные, так и, в особенности, иностранные. Традиционная нехватка инвестиций, полагал С. Ю. Витте, задерживает развитие России, хотя по быстроте и силе промышленного роста она «стоит впереди всех иностранных экономически развитых государств».

Привлечение иностранного капитала с помощью золотой валюты в различных его формах, займовых, а главным образом инвестиционных, С. Ю. Витте считал основой основ своей финансовой системы. «Приток иностранных капиталов, — докладывал он Николаю II в 1899 г., — является, по глубокому убеждению министра финансов, единственным способом ускоренного доведения нашей промышленности до такого положения, при котором она будет в состоянии снабжать нашу страну изобильными и дешевыми продуктами».⁶ Министр имел в виду как частные инвестиции, так и поступления по государственным займам, рассматривая иностранные капиталовложения как часть своей протекционистской, основанной на покровительственном таможенном тарифе, системы. Система эта, заметим, не предусматривала коренной аграрной реформы, поощрение промышленного развития проводилось при известной консервации

⁵ См.: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 405.

⁶ Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. 1899 г. // Материалы по истории СССР. М., 1959. Т. 6. С. 173, 174, 177, 178, 184.

⁴ См.: Шаццлло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992.

пережитков в сельском хозяйстве, что предопределило диспропорцию темпов развития индустриального и аграрного секторов.

С. Ю. Витте взял курс на расширение займовых операций казны на международном финансовом рынке, рассчитывая вывозом товаров в Азию погашать долги империи в Европе. Геополитические имперские соображения имели для него первостепенное значение. Индустриальный рост для министра финансов означал прежде всего сохранение Россией статуса великой державы и расширение сферы имперского влияния. «Международное соперничество не ждет, — предупреждал он Николая II во всеподданнейшем докладе 1900 г. — Если ныне же не будет принято энергичных и решительных мер к тому, чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием, то быстро растущая иноземная промышленность сумеет прорваться через наши таможенные преграды..., а укоренившись в глубинах народного потребления, она сможет постепенно расчистить пути и для более тревожных иноземных политических влияний».⁷

С. Ю. Витте был убежден, что в условиях самодержавного образа правления ускоренное развитие национальной промышленности возможно только за счет интенсивного использования государственного хозяйства и государственного вмешательства в экономику. «В России, — писал он Николаю II в 1895 г., — по условиям жизни нашей страны потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность...»⁸

Помимо мер общего характера, создавших благоприятные условия для развития отечественной промышленности (таможенных и железнодорожных тарифов, денежной реформы 1895–1897 гг., льготного налогообложения и др.), существенную роль играла и прямая поддержка финансовым ведомством покровительствуемых им отраслей (машиностроения, химической и добывающей промышленности и т. п.)

путем предоставления казенных заказов, льготных кредитов, регулирования объемов производства для поддержания высоких цен и т. д.

Американский историк экономики А. Гершенкрон в 1960-е гг. выдвинул концепцию, согласно которой государственное вмешательство сыграло решающую роль в индустриализации царской России. Наряду с иностранными инвестициями, экономическая политика правительства послужила, на его взгляд, компенсирующим фактором, позволив патриархальной империи за короткий исторический срок войти в число относительно развитых индустриальных держав. Стимулирование экономического роста, по А. Гершенкрону, помимо общепротекционистской политики достигалось путем бюджетного перераспределения налоговых средств из аграрного сектора в индустриальный. Он полагал, что именно политика индустриализации, осуществлявшаяся за счет средств, выкачиваемых из деревни, привела к Революции 1905 г. и когда платежеспособность сельского населения была исчерпана, «терпению крестьянства пришел конец».⁹

Вероятнее всего, это наблюдение явилось своеобразной экстраполяцией на дореволюционный период советской экономической системы, в рамках которой индустриальный рост действительно инициировался бюджетным перераспределением национального дохода, попыткой объяснения промышленного взлета в России прошлого века бюджетными механизмами по аналогии с советской экономикой.

Относительно бюджетной политики можно констатировать, что на протяжении XIX — начала XX вв. госбюджет империи формировался с неизменным дефицитом, и лишь в канун Первой мировой войны удалось справиться с этой застарелой болезнью российских финансов. Благодаря экономическому подъему 1909–1913 гг. доходная часть бюджета в начале XX в. выросла почти вдвое, тогда как расходная — в 1,8 раза. За счет опережающего темпа роста доходов и был достигнут положительный баланс суммарного бюджета. Значительную часть бюджетных средств приносили доходы от эксплуатации казенных железных дорог, протяженность которых превышала 40 тыс. км из 70 тыс. км общероссийской сети, а также от введенной в 1895 г. С. Ю. Витте винной монополии, согласно которой государство

⁷ Цит. по: Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 66, 70.

⁸ Цит. по: Власть и реформы... С. 416.

⁹ См.: Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays. Cambridge, Massachusetts, 1962. P. 132.

являлось единственным продавцом крепких спиртных напитков.

Исследования современных авторов не подтвердили тезис А. Гершенкрона о перераспределении ресурсов через бюджет из аграрного сектора в индустриальный. Государство действительно играло весьма активную роль в экономической жизни предреволюционной России, но вряд ли можно говорить о насаждении им промышленности по каналам перераспределения налоговых средств. Перелива капиталов через бюджет из аграрного в индустриальный сектор не было обнаружено, бюджетная политика поздней имперской России в этом отношении была по крайней мере нейтральной.¹⁰ В приоритете оставались военные и административные расходы. В государственном бюджете «непроизводительные», по терминологии того времени, расходы (главным образом на армию и флот, содержание административного аппарата и обслуживание государственного долга) продолжали преобладать над «производительными» (вложениями в государственные имущество и предприятия, бюджетными вливаниями в частный сектор, расходами на просвещение и т. п.).

Впрочем, та же картина наблюдалась и в экономически развитых европейских странах, где бюджетное финансирование экономического роста как осознанная политика берет свое начало не ранее кризиса рубежа 1920–1930-х гг. Именно тогда на смену теории «невидимой руки» А. Смита, т. е. саморегулирующейся модели экономического развития, приходит концепция Дж. Кейнса о необходимости государственного регулирования хозяйственной деятельности. До этого времени бюджетное финансирование ключевых отраслей не было свойственно ни одной из великих держав. Сходная ситуация имела место и в России, где индустриальный прорыв рубежа XIX–XX вв. отнюдь не был заслугой правительства, во всяком случае — не только правительства.

Экономическая политика С. Ю. Витте, которой принято сейчас восхищаться, в действительности усугубила отставание сельского хозяйства и усилила контроль казны за частно-предпринимательской инициативой (вплоть до 1917 г. в России сохранялась разрешительная система акционерного учредительства, тогда как в странах Западной Европы действовала более прогрессивная явочная, не зави-

симая от чиновничьего усмотрения). Развитие национальной промышленности неминуемо сталкивалось с узостью внутреннего рынка как следствием стагнации аграрного сектора. Россия оставалась страной, где не было подлинной свободы частного предпринимательства. Министр финансов, по оценке современников, «был убежденным сторонником капиталистического развития, но он именно ему не подчинялся, старался над ним господствовать, его проводить... Он был, так сказать, просвещенным абсолютистом в области капитализма».¹¹

Что касается внешнего государственного долга России как важной части государственных финансов, то к 1914 г. он, по официальным данным, составлял 8 824,5 млн руб., в числе которых 7 153 млн — займы «на общегосударственные потребности» и остальные 1 671,5 млн — долги по облигациям железнодорожных обществ. Платежи по займам являлись второй по значимости «непроизводительной» статьей после военных расходов империи.¹² По размерам государственного долга Россия в мировой таблице о рангах шла на втором месте после Франции и на первом — по абсолютным размерам связанных с займами платежей. При этом по показателю государственной задолженности на душу населения Россия к 1913 г. занимала в Европе только десятое место (53 руб. на каждого жителя империи), значительно отставая от признанного лидера среди стран-должников — Франции (253 руб.).¹³ Экспертами того времени признавалось, что долговое бремя не угрожает статусу России как великой державы и даже не является слишком тяжелым по сравнению с другими европейскими странами.

При том почти $\frac{3}{4}$ «общих нужд» империи, т. е. расходов, связанных с государственным управлением и целями внешней политики, покрывалось за счет внутренних накоплений (в том числе через налоговую систему). Железнодорожную сеть страны, напротив, на $\frac{3}{4}$ субсидировали из внешних займовых источников. В целом о российских государственных финансах можно сказать, что внутренний долг накануне мировой войны служил целям финансирования правительства и его ипотечных банков, внешний же использовался как

¹⁰ См.: Gregory P. Op. cit. P. 192–194.

¹¹ См.: Корелин А. П., Степанов С. А. Указ. соч. С. 70.

¹² Ежегодник Министерства финансов. Пг., 1915. Вып. 1915 г. С. 38, 77–81.

¹³ См.: Каценеленбаум З. С. Война и финансово-экономическое положение России. М., 1917. С. 11, 12.

компенсатор внутренних накоплений, отвлеченных через систему государственного кредита на непроемкие цели.

*Иностранные инвестиции:
«золотой мост» С. Ю. Витте*

Как уже отмечалось, катализатором экономики, способным дать импульс индустриальному росту и тем самым избежать радикальных преобразований в аграрном строе, С. Ю. Витте считал иностранные инвестиции. Для их привлечения и была, собственно, проведена денежная реформа 1895–1897 гг., введшая в России золотое денежное обращение. Намечая реформу рубля, С. Ю. Витте имел в виду прежде всего внешнеэкономический аспект, возможность с помощью золотой валюты войти в сообщество экономически развитых держав и привлечь отсюда ссудный капитал и частные инвестиции. «Огромное значение золотой валюты, — резюмировал министр финансов свою позицию, — заключается прежде всего в том, что она представляет золотой мост, перекинутый из богатых стран в бедные; при ней ускоряется выход из бедности, тогда как при бумажной валюте он замедляется».¹⁴

В годы пребывания С. Ю. Витте на посту министра усилился приток иностранных капиталов в инвестиционной форме, стимулированный как введением золотой валюты, так и высокой экономической конъюнктурой 1890-х гг. Золотая валюта и привлечение иностранных капиталов в ссудной и инвестиционной форме являлись двумя главными компонентами финансовой политики С. Ю. Витте. Однако, как показали события Русско-японской войны 1904–1905 гг., России не суждено было в ближайшем времени утвердиться на дальневосточных рынках.

В дальнейшем инвестиции росли опережающими темпами по сравнению с государственным долгом, который после значительного расширения в период Революции 1905–1907 гг. существенно не увеличивался вплоть до мировой войны. В условиях моратория на выпуск новых государственных займов уменьшение поступлений займовых средств компенсировалось форсированным притоком частных иностранных инвестиций. В акции и облигации российских акционерных ком-

паний и облигации муниципальных займов к 1913 г. было инвестировано 1571 млн руб. иностранных капиталов — почти втрое больше, чем в 1900 г. Заграничные инвестиции занимали около 18 % от общего объема капиталовложений в бумаги российских акционерных компаний.

Эти цифры говорят о том, что экономического прогресса имперская Россия добилась не в последнюю очередь благодаря иностранному предпринимательству и заграничным инвестициям, которые сыграли важную роль в деле индустриализации страны, подтолкнув к созданию ряда новых отраслей. Впрочем, в этом отношении Российская империя принципиально ничем не отличалась от других стран, вступивших на путь капиталистической модернизации с некоторым опозданием и пользовавшихся поддержкой более развитых соседей (например, от Германии или США, в течение XIX столетия совершивших громадный скачок в индустриальном развитии).

Плата за помощь капиталами и технологиями была немалой, но, во-первых, хотя услуги иностранных бизнесменов отнюдь не были филантропией и щедро оплачивались, экономический эффект оказывался выше и в конечном счете эти инвестиции работали на дело индустриализации России. Их направления, отраслевая структура обуславливались внутренними потребностями страны. А во-вторых, значение иностранных инвестиций, о решаемом вкладе которых в дело экономической модернизации России любит писать западная историография, безусловно, не было определяющим для экономического роста: отечественный капитал сохранял лидирующие позиции в народнохозяйственной системе страны.

Россия, пока еще значительно отстававшая от экономически развитых стран Запада, в то же время ни в коей мере не была «банановой республикой». В канун мировой войны страна вышла на траекторию здорового экономического роста, которая могла обеспечить мирную, эволюционную модель экономического развития. Можно согласиться с мнением исследователя российского национального дохода П. Грегори, что «экономический рост и структурные изменения царской экономики в 1885–1913 гг. соответствуют образцу современного экономического роста, который испытывали на себе индустриально развитые страны».¹⁵

¹⁴ Цит. по: Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 257.

¹⁵ Gregory P. Op. cit. P. 193.

Разница заключалась лишь в том, что, вступив на путь индустриального развития позже, Россия прошла меньший отрезок этого пути.

Золотая валюта способствовала более интенсивному втягиванию России в международное финансовое сообщество. Государственные обязательства в структуре международной задолженности страны в начале XX в. стали замещаться динамичными прямыми инвестициями, экономически более эффективными, нежели казенные займы, значительная часть которых расходовалась автократическим режимом на поддержание имперского величия. Вероятнее всего, тенденция к возрастанию доли инвестиционных капиталов по сравнению с займовыми продолжилась бы и в дальнейшем при условии сохранения высокой экономической конъюнктуры. Однако Первая мировая война разрушила эту оказавшуюся довольно хрупкой финансово-экономическую систему. С началом военных действий инвестиционный поток из Европы в Россию прервался, а система золотого обращения была ликвидирована во всех воевавших странах.

Резюмируя, заметим, что иностранный капитал являлся важным, хотя отнюдь не опреде-

ляющим фактором экономического развития страны. Удовлетворяя назревшие потребности российского народного хозяйства, ориентируясь на внутренний рынок, переплетаясь и срашиваясь с отечественным капиталом, иностранный капитал интегрировался в процесс индустриализации страны, облегчив продвижение по этому пути и подтолкнув к созданию целого ряда отраслей экономики (например, угольно-металлургический промышленный Донбасс).¹⁶

Экономический рост в позднеимперской России поддерживался не только государственными вливаниями, но прежде всего хозяйственной деятельностью частных предпринимателей, российских и иностранных. Государство в дореволюционный период, как все отчетливее констатирует современная историография, являлось не столько инвестором экономики (за исключением железнодорожного хозяйства, где казенные капиталовложения действительно были велики), сколько получателем дохода от экономического роста. Этот вывод служит косвенным, но весьма важным подтверждением победы в позднеимперской России частнопредпринимательской системы хозяйствования.

Yuri A. Petrov

Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: dir_iri_ran@mail.ru

THE STATE AND ECONOMIC GROWTH IN LATE IMPERIAL RUSSIA

Russia entered the stage of rapid industrial development in the mid-1880s. It was realized within the framework of the “catching-up” model and at exceptionally high rates. This allowed Russia to significantly strengthen its position in the world industrial production and reduce its gap in the level of economic development from the advanced industrial countries. However, modern historiography has no unequivocal answer to the question by what means it was possible to make such a breakthrough. It is widely believed that it became possible thanks to foreign investment and technology, the use of foreign experience in organizing production. But such an interpretation is only partly valid. Indeed, the import of high-quality foreign capital has played an important role in the industrialization of Russia. Of particular importance was its importance in the creation of new industries. Nevertheless, Russian entrepreneurs and a targeted state policy made a no lesser contribution to late-imperial industrialization. However, the role of the state should not be overestimated. In the pre-revolutionary period, the state was not so much an investor but a recipient of the benefits of the economic growth. And its driving force, in the first place, was the private entrepreneurial system of management. However, it turned out to be very fragile to survive the shock of World War I.

Keywords: *late Imperial Russia, factors of economic growth, rates of industrial development, state regulation, private entrepreneurial system of managing*

¹⁶ См.: Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М., 1997.

REFERENCES

- Ananich B. V. *Rossiya i mezhdunarodnyy kapital. Ocherki istorii finansovykh otnosheniy* [Russia and international capital. Essays on the history of financial relations]. Leningrad: Nauka Publ., 1970. (in Russ.).
- Bovykin V. I. *Rossiya i mirovoy biznes: dela i sud'by* [Russia and world business: affairs and fates]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 1996. (in Russ.).
- Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University, 1962. (in English).
- Gregory P. *Russian National Income, 1885–1913*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. (in English).
- Inostrannoye predprinimatel'stvo i zagranichnyye investitsii v Rossii: ocherki* [Foreign entrepreneurship and foreign investment in Russia. Essays]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1997. (in Russ.).
- Katsenelenbaum Z. S. *Voyna i finansovo-ekonomicheskoye polozheniye Rossii* [War and the financial and economic situation of Russia]. Moscow: Kul'turno-prosvetitel'noye Byuro studentov Moskovskogo Kommercheskogo Instituta Publ., 1917. (in Russ.).
- Korelin A. P., Stepanov S. A. *S. Yu. Vitte — finansist, politik, diplomat* [S. Yu. Witte — a financier, politician, diplomat]. Moscow: TERRA — knizhnyy klub Publ., 1998. (in Russ.).
- Shatsillo K. F. *Gosudarstvo i monopolii v voyennoy promyshlennosti Rossii. Konets XIX v. — 1914 g.* [State and monopolies in the military industry of Russia. The end of the 19th century — 1914]. Moscow: Nauka Publ., 1992. (in Russ.).
- Vlast' i reformy. Ot samodержavnoy k sovetskoy Rossii* [Power and reform. From autocratic to the Soviet Russia]. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 1996. (in Russ.).